

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

повествующая о том, как Сунь У-кун учинил разгром на горе Черного ветра и как бодисатва Гуаньинь усмирила Духа медведя

Итак, Сунь У-кун взлетел на облако. Видевшие это монахи, послушники и монастырские работники перепугались насмерть, пали ниц и, совершая поклоны, говорили:

— Милостивый отец! Оказывается, это сошел на землю праведник, который обладает способностью ездить на облаках и путешествовать на тумане. Ничего нет удивительного в том, что огонь не нанес ему вреда. Будь проклят этот старый сквалыга, который не сумел распознать божественное существо. Перемудрил и сам погиб.

— Встаньте, почтенные, и не давайте волю своему гневу,— промолвил Сюань-цзан.— Пусть только мой ученик найдет рясу, и все будет в порядке. А вот если он не найдет ее, дело может обернуться скверно. Характер у моего ученика дурной, и я не смогу поручиться даже за то, что кто-нибудь из вас останется в живых.

Услышав это, монахи пришли в отчаяние и стали призывать на помощь небо, давая всевозможные обеты, моля о том, чтобы ряса нашлась. Однако мы пока оставим монахов с их переживаниями и вернемся к Сунь У-куну. Повернувшись несколько раз вокруг собственной оси, он быстро добрался до горы Черного ветра и здесь, остановив свое облако, внимательно осмотрелся. Перед ним была чудесная гора. Весна стояла в полном разгаре.

Картина открывалась поистине великолепная.

Потоки мчатся по ущельям с ревом

И злобно брызжут пеною седой,

И пики — величавы и суровы —

Соперничают дикой красотой;

Повсюду тишь. Умолкли птичьи стаи.

Не видно человеческих следов,

И благоухать леса сильнее стали —

Густ аромат увядших трав, цветов...

Промчался ливень, небосвод обширный,

Казалось, стал и ярче и светлей,

И лес сосновый протянулся ширмой,

Колышет ветер изумруд ветвей.

Разросшихся зеленых трав сплетенья

Над пропастью свисают со скалы,

И гибкие ползучие растенья

Смоковниц пышных оплели стволы.

Здесь, на тропе, не встретится отшельник,

Топор в лесу не застучит вблизи,

И лишь журавль с подругой длинношеей

Склонились, клювы в воду погрузив...

Любуясь красивым пейзажем, Сунь У-кун вдруг услышал голоса. На покрытом душистой травой склоне горы кто-то разговаривал. Осторожно ступая, чтобы не быть услышанным, Сунь У-кун шмыгнул за скалу и, украдкой выглянув оттуда, увидел трех духов-оборотней, сидевших на земле. Наверху сидел какой-то черный человек, слева от него — даос и справа — ученый.

Говорили они напыщенно, громко. Разговор в основном шел о том, как устанавливать треножники и печи, о способах закладки киновари, свинца и ртути² и о тех путях и способах, которые применяются в других религиозных учениях.

— А ведь послезавтра у меня день рождения,— смеясь сказал черный человек.— Надеюсь, что вы, уважаемые, окажете мне честь своим посещением.

— Мы каждый год празднуем день вашего рождения, почтенный князь, как же можем мы не явиться в этом году? — отвечал ученый в белых одеждах.

— Сегодня ночью я раздобыл одну драгоценность,— продолжал черный человек,— расшитую золотом рясу Будды. Вещь поистине великолепная. В честь дня своего рождения я завтра выставлю ее напоказ и приглашу всех даосских служителей, пусть придут поклониться рясе Будды. А пир мы назовем «Пиром в честь одеяния Будды». Что вы об этом скажете?

— Превосходно! Замечательно! — в восторге воскликнул даос.— Завтра я непременно буду у вас, хочу заранее поздравить вас с днем вашего рождения, а послезавтра приду на пир.

Сунь У-кун, услышав слова «Ряса Будды», сразу же решил, что речь идет о драгоценности, которую он ищет. Не в силах больше сдерживать своего гнева, он выскочил из-за скалы и, взмахнув посохом, крикнул:

— Наконец вы попались мне, разбойники! Украли мою рясу, да еще собираетесь устраивать какой-то Пир в честь одеяния Будды! Ну-ка, верните мне ее, только живо! Ни с места! — закричал Сунь У-кун и взмахнул своим посохом, целясь в голову противника. Однако черный человек, испугавшись, превратился в ветер и исчез. Успел сбежать и даос: он улетел на облаке.

Остался только ученый, которого Сунь У-кун одним ударом уложил на месте. Оттащив его в сторону и рассмотрев хорошенько, Сунь У-кун увидел, что это была белая пятнистая змея-оборотень. Сунь У-кун растерзал ее на мелкие кусочки и ринулся в горы на поиски черного человека, оказавшегося волшебником.

Он обогнул острый пик, перевалил через хребет и там увидел высокую отвесную скалу, а в ней пещеру. Что за великолепная картина открылась перед ним!

Густой лес из сосен и кипарисов стоял, окутанный розовой дымкой.

У входа в пещеру Сунь У-кун увидел плотно затворенные каменные ворота, а над воротами — каменную плиту с надписью, сделанной крупными иероглифами: «Пещера на горе Черного ветра». Вращая посохом, Сунь У-кун закричал:

— Открывай!

Охранники-оборотни открыли ворота и, выйдя наружу, спросили:

— Ты кто такой и как смеешь врываться в нашу священную пещеру?!

— Ах вы мерзкие скоты! — заорал Сунь У-кун. — Да как вы смее называть эту поганую дыру священной пещерой, хоть для вас она, может быть, и священна. Если хотите остаться в живых, живо бегите к своему господину и скажите ему, чтобы он сейчас же принес мне рясу.

Духи мигом скрылись и, вбежав к своему повелителю, сказали:

— Великий князь! Устраивать «Пир в честь одевания Будды» не придется. У пещеры стоит какой-то монах, очень похожий на Бога грома, лицо его покрыто шерстью. Он требует рясу.

Между тем Черный волшебник, удрав от Сунь У-куна с лесной поляны, едва успел затворить ворота своей пещеры и еще не отдышался. Когда ему доложили о том, что Сунь У-кун явился сюда, он со злостью подумал:

«Откуда только взялась эта тварь и как смеет она ломиться в ворота?»

Властитель горы Черного ветра накинул на себя одежду, туго подпоясался и, вооружившись пикой с черной кисточкой, вышел из пещеры. Сунь У-кун шмыгнул за створку ворот и, держа посох наготове, уставился во все глаза на Черного волшебника. Вид у властителя Черной горы был действительно свирепый.

Шлем — словно чаша по форме —

Блестит ослепительным светом,
Из червонного золота латы
Ярким огнем горят,
Шелковая одежда
На плечи его надета,
Нежный ветер волнует
Прекрасный его наряд.
Идет он тяжелой походкой.
В руках — две большие плети
И черный волшебный посох.
С посохом он могуч
Поистине: горный владыка
По имени Черный ветер.
Но взгляд его столь же светел,
Как молния среди туч!

«Этот стервец словно обожжен в гончарной печи или же сделан из угля,— подумал, смеясь про себя, Сунь У-кун.—Видимо, он кормится тем, что подметает уголь. Иначе он не стал бы таким черным».

— Ты откуда взялся, монах? — закричал громовым голосом Черный волшебник.— И как смеешь так дерзко вести себя?!

— Нечего зря болтать! — тоже во всю мочь закричал Сунь У-кун и ринулся на противника с посохом.— Немедленно отдавай рясу твоего деда.

— Да ты из какого монастыря? — спросил властитель горы.— Где потерял свою рясу и почему пришел искать ее именно сюда?

— Моя ряса лежала в келье наставника монастыря бодисатвы Гуаньинь как раз к северу отсюда,— отвечал Сунь У-кун.— А ты, мерзавец, воспользовавшись пожаром в монастыре и суматохой, выкрал эту рясу и собираешься еще устроить пир в день своего рождения и назвать его Пиром в честь одеяния Будды. Может быть, ты посмеешь отрицать это? Так вот, сейчас же отдавай рясу, тогда я помилую тебя. Если же вздумаешь возражать мне, я переверну твою гору, сравняю с землей пещеру, а всех твоих оборотней сотру в порошок!

Услышав это, Черный волшебник презрительно расхохотался:

— Ах ты низкая тварь! — воскликнул он. — Ведь пожар ты сам устроил! Ты сидел на крыше дома наставника, раздувая пламя бешеным ветром. Пусть даже я и взял эту рясу, тебе-то что? Откуда ты явился и кто такой? Какой особой силой ты обладаешь, что позволил себе явиться сюда и хвастаться?

— Значит, ты не желаешь признавать своего деда! — воскликнул Сунь У-кун. — Я — ученик буддийского священнослужителя Сюань-цзана, побратима самого императора великих Танов! Фамилия моя Сунь, зовут У-кун, по прозвищу Странствующий монах. Ты спрашиваешь, на что я способен? Да если я скажу тебе, у тебя от страха душа улетит, и ты тут же умрешь!

— Я что-то тебя не понимаю! — отвечал властитель горы. Говори толком, я послушаю!

— Ну, младенец, — рассмеялся Сунь У-кун. — Держись крепче и внимательно слушай, что я тебе скажу:

В боях меняя образ свой мгновенно,
Я побеждал любых героев грозных —
Недаром способ быстрых превращений
В младенчестве еще был мною познан.
Я закалялся, проходило время
В лучах палящих солнца, под луною,
Законы смерти, властные над всеми,
Теперь уже не властны надо мною.
Трудился долго, искренне, упорно,
Стремлением высоким увлекаем,
И на горе Линтай ученья зерна
Заколосились бурным урожаем.
Там, от земного мира отгорожен,
Отшельник одинокий обитает, —
Сто восемь тысяч лет на свете прожил,
Секретом долголетия обладает.
К нему я обратился, грешник сирий,

И мне ответил мудрый: знай отныне,—
Кто примет тайно каплю эликсира,
Того навеки страх земной покинет.
Когда святыя книги ты получишь,
Где заклинаний смысл глубок и сложен,
Ты вникни в них, познай, как можно лучше,—
И сам тогда владеть их силой сможешь.
Сиди под отраженными лучами,
Чтоб сердце было в благостном покое,
Чтоб страсти ненасытные молчали,
Чтоб душу не терзало все мирское,—
И чувств шести утраченные силы
Проснутся заново в окрепшем стане.
И тот, кто старцем дряхлым был и хилым,
По воле неба снова юным станет.
И если за три года ты не выдашь
Ни разу тайны волшебства великой,
То к святости широкий путь увидишь
И будешь приобщен к бессмертных лику.
Я триста лет скитался неустанно
По островам и странам отдаленным,
И за бескрайней далью океана
На край земли взирал я изумленно.
И все же не был на небе девятом,—
Хотя на дно морское опустился,
Там, в глубине пучин драконом скрытан,
Волшебный посох с обручем хранился.
Я драгоценность дивную похитил

И на Горе цветов и плодов зажил,
Как оборотней признанный правитель,
Нечистых духов окруженный стражей.
Призвал меня Нефритовый владыка,
Был Мудрецом я, равным небу, назван,
Но на небе разбушевался дико —
И совершил поступок безобразный.
Не мог я званьем удовлетвориться,
Мала казалась мне небес награда,
И у самой Ван-му — небес царицы —
Украл святые персики из сада.
Я окружен стотысячным был войском,
Никто сквозь строй, казалось, не пробьется,
Но в поединке трудном и геройском
Поверг на землю князя-полководца,
И Ночжа ожидала та же участь,
И отражен был стойкий в обороне
Сошедший с неба праведник могучий,
В искусстве превращений изощренный.
Нефритовый владыка, бодисатва
И Лао-цзюнь с небесного порога,
Увидев, как войска бегут обратно,
Смутились, охватила их тревога...
Пришлось вмешаться Лао-цзы,— иначе
Был и Эрлан бы мною обесславлен.
Тогда лишь только был я войском схвачен
И с ликованием на небо доставлен.
Там во дворце воздвигли столб позорный,

К нему узлами тело привязали,
И палачи, орудуя проворно,
Меня с утра до вечера терзали:
Мечи вонзали, пиками кололи,
По сердцу молотком стучали медным,—
Как каменный, не ощущал я боли,
И оставалось рвенье их бесследным.
Тогда они позвали духов грома,
Чтоб разом в пепел превратили тело,
Но было заклинанье мне знакомо,
И туча молний мимо пролетела.
Тогда меня в жаровню посадили,
В очаг для выплавления эликсира.
Усердно духи Лю и Дин следили,
Чтоб в нем огонь пылал неугасимо.
Когда же наконец я обнаружил,
Что иссякает палачей терпенье,
То в злобе лютой выскочил наружу,
Чтоб разгромить небесные владенья.
Размахивая посохом от гнева,
Я взад-вперед метался там, и скоро
Все тридцать три перетревожил неба,
Не повстречав достойного отпора
И лишь святого Будды заклинанью
Я должен был с позором подчиниться,
Он гору взял своей могучей дланью
И опустил ко мне на поясницу.
Я пять веков под нею был придавлен

И думал, что навеки там останусь,
Но, к счастью для меня, совсем недавно
Пришел святой монах из царства Танов.
Путь к Истине для нас далек и труден,—
Ведь тайна в странах Запада хранится,
Но в храм Раскатов грома мы прибудем,
Чтоб перед Буддой золотым склониться;
Кого захочешь, на Земле спроси ты,
Тебе любой немедленно ответит,
Что я волшебник самый знаменитый
Из всех, какие есть на белом свете!

— Так ты, оказывается, тот самый конюх из небесных чертогов, который учинил дебош на небе,— ехидно сказал волшебник.

А следует вам сказать, что Сунь У-кун не выносил, когда его называли конюхом, и потому пришел в бешенство.

— Ах ты проклятое чудовище! — заорал он.— Ты выкрал рясу и, вместо того чтобы вернуть ее, еще оскорбляешь меня! Отведай же моего посоха!

Волшебнику удалось уклониться и избежать удара. С пикой в руках он ринулся навстречу противнику, и между ними завязался отчаянный бой.

Гром битвы оглашал пещерный свод...

Они сражались в ярости великой —

Один свой посох выставил вперед,

Другой вращал над головою пикой

Вот первый — тело изогнул дугой,

Как белый тигр, терзающий добычу,

И не жалеет сил, чтобы другой

Признал его надменное величье.

А враг, как желтый сказочный дракон,
Что кольцами клубится в злобе рьяной,
Отбросил милосердия закон,—
И в голову и в грудь наносит раны!..
Дыханье двух борцов все горячее —
Сгустилось мглой и знойным ветром веет,
И мечется слепящий сноп лучей,
Он средь паров зловеще пламенеет.
Измучились борцы, но не склонясь,
Они удары множат с дикой силой...
За что же бьются и Мудрец и Князь?
Священная одежда их прельстила!

Они схватывались уже раз десять, и все же нельзя было сказать, на чьей стороне перевес.
Раскаленное солнце стояло в зените, когда Черный волшебник, защищаясь копьем, крикнул:

— Монах Сунь! Сделаем передышку! Я хочу подкрепиться! А потом продолжим!

— Ах ты скотина мерзкая! — заорал в ответ Сунь У-кун. — А еще называешься удалцом! Хорош удалец! Сейчас только полдень, а ты есть захотел. Я больше пятисот лет был придавлен горой и все это время не пил и не ел. А за пятьсот лет можно было проголодаться! Нет, увильнуть тебе не удастся! Никуда ты не уйдешь! Верни рясу, тогда я отпущу тебя!

Однако Черный волшебник, притворившись, что собирается защищаться, быстро скрылся в пещере, затворив за собой каменные ворота. Нет надобности распространяться о том, как он собрал всех подвластных ему духов, распорядился об устройстве пира и написал приглашения всем духам и демонам — властителям гор с просьбой прибыть на торжество.

Как Сунь У-кун ни осаждал ворота, никто ему не открывал. Пришлось вернуться в монастырь. Монахи уже успели похоронить наставника и находились в его келье, прислуживая Сюань-цзану. Они приготовили ему завтрак, а в полдень подали обед. И вот, когда они сменяли блюда и подносили воду, появился Сунь У-кун, опустившийся прямо с воздуха. Монахи почтительно склонились перед ним и провели его в келью.

— А, Сунь У-кун! Вернулся! — обрадовался, увидев его Сюань-цзан. — Ну, что с рясой?

— Да все как будто в порядке, — отвечал Сунь У-кун. — Зря я обидел монахов. Оказывается,

украл рясу волшебник с горы Черного ветра. Я незаметно подкрался к нему: он сидел на лужайке на склоне горы и беседовал с каким-то ученым и даосом. Волшебник оказался недостаточно осторожным. Он рассказал, что послезавтра у него день рождения и он приглашает к себе всех духов. Кроме того, он сообщил, что ночью ему удалось достать одеяние Будды и в день своего рождения он устроит пир, который назовет «Пиром в честь одеяния Будды». Ну, тут я бросился на волшебника и пустил в ход свой посох. Однако волшебник превратился в ветер и скрылся. Исчез также и даос. Мне удалось только убить ученого-оборотня, который оказался белой пятнистой змеей. После этого я помчался к пещере Черного волшебника и вызвал его на бой. Он признался в том, что взял рясу. Мы бились с ним полдня, однако никто из нас не вышел победителем. Потом волшебник сказал, что проголодался, скрылся в пещере, запер каменные ворота и больше не показывался. Я вернулся лишь для того, чтобы посмотреть, как вы себя чувствуете, и сообщить обо всем. Самым главным было узнать, где находится рясa. А хочет он ее вернуть или нет, меня несколько не беспокоит.

Монахи, кто благоговейно сложа руки и низко кланяясь, кто отбивая поклоны, в один голос причитали:

— О милостивый, святой Амитофо! Если мы сегодня узнаем, где находится рясa, наша жизнь вне опасности.

— Погодите радоваться,— сказал Сунь У-кун.— Рясу я пока не отобрал, а учитель еще от вас не уехал. Вот когда у меня в руках будет рясa, а вы достойным образом проводите учителя, тогда можете считать, что все в порядке. Смотрите не допускайте даже малейшей небрежности, раздражать меня нельзя! Ну, а сейчас у вас, может быть, найдется хороший чай для моего учителя и корм для нашего коня?

— Есть, как же! Конечно, есть! — с готовностью ответили монахи.— Мы со всяческим усердием рады служить учителю.

— Пока тебя не было,— сказал Сюань-цзан,— меня три раза поили чаем и два раза кормили. Они очень внимательны ко мне. А сейчас отправляйся и постарайся поскорее принести рясу.

— Не спешите, учитель,— отвечал Сунь У-кун.— Теперь нам известно, где она находится, и дело лишь за тем, чтобы поймать этого мерзавца и отобрать у него вашу драгоценность. А это я сделаю, не сомневайтесь.

Пока они разговаривали, смотритель верхних зданий приготовил еду и пригласил Сунь У-куна поесть. Подкрепившись, Сунь У-кун снова взобрался на облако и отправился на гору Черного ветра. По пути ему повстречался оборотень, который шел по главному пути и нес под мышкой цветной деревянный ящичек, сделанный из грушевого дерева. Сунь У-кун сразу же догадался, что в ящичке лежат пригласительные карточки. Тогда он поднял свой посох и опустил его на голову оборотня.

Но, к несчастью, он не рассчитал удара, и от волшебника осталась одна лепешка. Сунь У-кун оттащил его в сторону, взял ящичек, раскрыл его и увидел, что там действительно лежит

пригласительная карточка, на которой было написано:

«Я, Черный волшебник, земно кланяюсь и почтительно обращаюсь к вам, почтенный старец Цзинь-чи. В прошлом вы неоднократно оказывали мне милость, за что я вам глубоко признателен. Ночью я был свидетелем пожара, но не мог оказать вам помощи. Надеюсь, что вы остались невредимы. Мне случайно удалось приобрести рясу Будды, и я собираюсь устроить пир, на который почтительно приглашаю вас. Выражаю надежду, что вы прибудете со своей свитой. Примите мое уважение. Приглашение посылаю за два дня до торжества».

Прочитав это, Сунь У-кун не выдержал и расхохотался.

— Вот так мерзавец! — воскликнул он. — Он хоть и подох, но получил по заслугам. Так вот оно что! Оказывается, он в одной шайке с этим волшебником. Что ж тут удивляться, что он прожил двести семьдесят лет. Очевидно, волшебник научил его какому-нибудь способу подчинения духа, вот он и стал бессмертным. Я отлично помню, каков он из себя. Приму-ка я сейчас его вид, проникну в пещеру и разыщу рясу. Если будет нетрудно, возьму ее, чтобы избежать дальнейших хлопот.

О чудесный Мудрец! Он произнес заклинание и, встав против ветра, тотчас же изменил свой вид, превратившись в точную копию наставника монастыря. Спрятав посох, он, широко шагая, подошел к пещере и крикнул:

— Открывайте!

Духи-охранники открыли дверь и, увидев перед собой знакомую фигуру, бросились докладывать своему властителю, что прибыл почтенный отец Цзинь-чи.

— Да ведь я только что отправил к нему посыльного с приглашением, — изумился Черный волшебник. — Посыльный не успел еще прийти к нему. Как же мог почтенный отец так скоро очутиться здесь? Они, вероятно, разминулись. Видимо, Сунь У-кун подослал его за рясой. Спрячь ее подальше, чтобы он не увидел! — приказал волшебник.

Между тем, пройдя первые ворота, Сунь У-кун увидел небольшой двор, посреди которого росли сосны и бамбуки, поражающие яркостью своей зелени; персики и сливы оспаривали друг у друга красоту. Везде были цветы. Прекрасные орхидеи разливали в воздухе нежный аромат. Это был поистине благословенный уголок. На вторых воротах Сунь У-кун увидел две бумажные полосы с надписями: «В далеких и тихих горах нет мирских печалей», «Уединение в райском уголке приносит истинное счастье».

«Этот волшебник покинул мир и познал тайны неба», — подумал Сунь У-кун. Он отправился дальше и, очутившись у третьих ворот, увидел стены с росписью и потолки с лепными украшениями. Двери были окрашены, окна большие, вокруг светло. Здесь находился сам Черный волшебник. Одет он был в темно-синюю власяницу и шелковый халат. Поверх халата была на- кидка из черного, как воронье крыло, шелка. Голову украшала повязка из мягкой материи, завязанная впереди в виде треугольника. Черные сапоги были сшиты из кожи

молодого оленя. Увидев Сунь У-куна, волшебник поспешно одернул халат, поправил повязку на голове и пошел гостю навстречу.

— Почтенный друг Цзинь-чи! Давненько не видались! Присаживайтесь, пожалуйста!

Сунь У-кун ответил на приветствие, совершил по всем правилам этикета поклоны, и вместе с хозяином они уселись. Подали чай. После чая Черный волшебник, почтительно склонившись, сказал:

— Я только что отправил вам приглашение на пир, который состоится послезавтра, как мы и договаривались. Что же привело вас сюда сегодня?!

— Ваше приглашение я получил как раз в пути, когда шел к вам,— отвечал Сунь-У-кун.— Весть о прекрасном Пире в честь одеяния Будды заставила меня поспешить сюда и попросить вас показать мне это платье.

— Тут что-то не так, дорогой друг,— сказал смеясь волшебник.— Эта ряса принадлежит Танскому монаху. Он ведь остановился в вашем монастыре. Как же могли вы не видеть ее?

— Не успел я вчера вечером развернуть ее и вдоволь налюбоваться, как вы унесли ее к себе,— отвечал Сунь У-кун.— А тут еще случился пожар, все наши дома и имущество сгорели. На беду ученик Танского монаха оказался очень уж отчаянным. В суматохе мы обыскали все кругом, но рясы так и не нашли. На наше счастье, вы унесли ее к себе. Вот почему я и пришел к вам с просьбой показать рясу мне.

Неожиданно их беседу прервал волшебник, который охранял горы.

— Великий князь! Беда! — сказал он входя.— Гонец с приглашениями по дороге убит Сунь У-куном. Сам же Сунь У-кун под видом наставника монастыря Цзинь-чи явился сюда, чтобы завладеть одеянием Будды.

Выслушав это, волшебник подумал:

«Мне и самому показалось странным, что наставник так быстро пришел сюда. Конечно, это Сунь У-кун!»

Вскочив на ноги, волшебник схватил копье и ринулся на Сунь У-куна. А тот, выхватив из уха свой посох, приняв свой настоящий вид, отразил удар и выскочил во двор. Здесь перед воротами завязался ожесточенный бой. Волшебники, населяющие пещеру, помертвели от страха. В этот раз противники дрались куда яростней, нежели в прошлый.

Начав бой у самой пещеры, противники постепенно передвинулись на вершину горы, а оттуда взлетели на облака. Они вызвали туман и ветер, кружили песок и камни. Они дрались до тех

пор, пока красный диск солнца не стал спускаться к западу. Однако все еще нельзя было сказать, на чьей стороне перевес.

— Эй, Сунь! — крикнул наконец волшебник. — Остановись! Сейчас уже поздно. Иди-ка к себе, а завтра утром приходи. И тогда мы сразимся с тобой не на жизнь, а на смерть.

— Нет, постой! — крикнул Сунь У-кун. — Биться, так до конца. Разве можно уходить только потому, что поздно?!

Сунь У-кун продолжал наступать. Тогда Черный волшебник превратился в ветер и скрылся в пещере. Он запер каменные ворота и больше не показывался. Сунь У-куну ничего не оставалось, как снова вернуться в монастырь бодисатвы Гуаньинь. Опустившись на облаке вниз, он крикнул:

— Учитель!

Трипитака, с нетерпением дожидавшийся своего ученика, очень обрадовался. Однако заметив, что тот вернулся без рясы, не на шутку испугался.

— Что ж ты и на сей раз вернулся без рясы?

В ответ на это Сунь У-кун вынул из рукава пригласительную карточку, и передавая ее Трипитаке, сказал:

— А ведь волшебник с покойным настоятелем были друзьями. Волшебник отправил к нему гонца с приглашением на Пир в честь одевания Будды. Я убил гонца, а сам принял вид монаха-наставника и таким образом попал к волшебнику в пещеру. Меня приняли как дорогого гостя, напоили чаем. Но когда я попросил показать мне рясу, он наотрез отказался. В довершение ко всему во время нашей беседы появился дух, который охранял горы, и все дело раскрылось. Тогда Черный волшебник начал со мной драться. Мы бились до позднего вечера, но ни один из нас не вышел победителем. Наконец волшебник улизнул к себе в пещеру и крепко заперся там. Мне тоже не оставалось ничего другого, как вернуться домой.

— Ну, а как ты думаешь, сможешь ты в конце концов одолеть его? — спросил Трипитака.

— Вряд ли, — отвечал Сунь У-кун. — Силы у нас, пожалуй, равны.

Прочитав пригласительную карточку, Трипитака передал ее смотрителю.

— А ваш наставник, вероятно, тоже был волшебником? — спросил он.

Смотритель упал на колени:

— Почтенный отец,— взмолился он,— наш наставник был человеком. Однако Черный волшебник путем совершенствования овладел человеческой сущностью и постоянно приходил к настоятелю беседовать о священных книгах. Кроме того, он обучил нашего учителя искусству подчинения духа. Так они и стали друзьями.

— Нет у этих монахов никакой волшебной силы,— вмешался в разговор Сунь У-кун.— Голова у них торчит вверх, ноги обычные, ступают по земле. Они толще меня. А это тоже говорит о том, что они не духи. Однако взгляните, на карточке написано: «Почтенному храброму медведю». Это значит, что в настоятеле, несомненно, сидит Дух медведя.

— Я слышал, что в старину люди говорили, будто обезьяны и медведи относятся к одной породе зверей,— сказал Трипитака.— Как же мог он превратиться в духа?

— Стал же я, с вашей точки зрения относящийся к породе зверей, Великим Мудрецом, равным небу,— со смехом сказал Сунь У-кун,— так чем же он хуже меня? Ведь всякое живое существо на земле, имеющее девять отверстий, может путем само- совершенствования, достичь бессмертия.

— Ты только что сказал, что способности у вас одинаковы,— возразил Трипитака.— Как же, в таком случае, ты сможешь одолеть его и отобрать рясу?

— Э, не беспокойтесь! — успокоил Трипитаку Сунь У-кун.— Я знаю, что делать.

Пока они беседовали, монахи накрыли на стол и пригласили учителя с учеником поесть. После ужина Трипитака с фонарем в руках отправился на отдых в передний храм. Монахи расположились на ночлег вдоль стен, во временно устроенных шалашах. Задние помещения — покои наставника — они уступили старшим священнослужителям. Ночь прошла спокойно. Вот что рассказывается о ней в стихах!

Чертогов неба линия сверкала

Волшебной, безупречной чистотой,

Небесная Река пересекала

Все небо полосой золотой.

Но россыпь звезд не только в черном небе,—

Их огоньки дрожат в реке земной,

Умолк в горах веселый птичий щебет

И мир уснул, объятый тишиной.

Померк костер рыбацкий, пепла грудой

Вдали едва его отмечен след,

И в пагоде высокой, перед Буддой
Угас лампадки благодатный свет.
Еще вчера здесь гонга медь гудела,
Звал барабан остатки сил напярч,
Сегодня ночью в храме опустелом
Лишь слышатся стенания да плач...

Но Трипитака, почивавший в храме бодисатвы Гуаньинь, спал беспокойно. Все его мысли были сосредоточены на рясе. Повернувшись на бок и взглянув в окно, он вдруг увидел, что забрезжил рассвет. Он быстро встал и позвал:

— Сунь У-кун! Уже светло! Иди скорей за рясой!

Сунь У-кун одним прыжком вскочил с постели. Монахи уже принесли воду для умыванья.

— Смотрите, как следует прислуживайте моему учителю,— приказывал им Сунь У-кун,— а я снова отправляюсь в путь. Встав с постели, Трипитака остановил его:

— Ты куда идешь?

— По-моему, бодисатва Гуаньинь довольно беззаботна,— не отвечая на вопрос, сказал Сунь У-кун.— В ее честь здесь воздвигнут прекрасный монастырь, возжигаются благовония, а она допускает, чтобы по соседству жил какой-то волшебник. Я сейчас отправлюсь к Южному морю. Найду ее и скажу, чтобы она прибыла сюда сама и отобрала у волшебника рясу.

— А когда ты вернешься? — спросил Трипитака.

— Если успею, вернусь, когда вы еще будете завтракать,— сказал Сунь У-кун.— Могу и задержаться. Но к полудню непременно буду здесь. Вы не беспокойтесь, монахи будут хорошо служить вам. Итак, я отправляюсь.

Не успели замереть еще звуки его голоса, как он бесследно исчез. Вмиг очутился он у Южного моря и, остановив свое облако, стал осматриваться. Величественная картина открылась перед ним.

Морской простор лазурный, необъятный
От синевы небес неотделим,
И залиты сияньем благодатным

Вершины гор и глубина долин.
И с яростью сшибаясь непрестанно,
Валы швыряют хлопья пены вверх,
И в сумраке прибрежного тумана
Ликующий и ясный день померк
Как гром, прибой грохочет небывалый,
Великолепна неба красота
Там радуг многоцветных покрывало
Раскинулось над пиками хребта,
Цвета переливаются и гаснут,
И снова — алость, желтизна и синь...
На море Южном есть утес прекрасный,
Его ты взором пристальным окинь —
Там Гуаньинь в блаженстве обитает
И, красоты исполнен неземной,
Хребет вершины грозные взметает
До неба достающею стеной.
Колышет ветви ветер, свеж и ласков,
Траву, которой мягче нет нигде,
И солнца светлый круг на небе ясном
Горит как лотос золотой в воде.
И на дворцовой черепичной крыше
Глазурь необычайной красоты,
И двери в грот, где звук прилива слышен,
Сплошь покрывают черепах щиты.
В густой тени под веткой тополиной
Рой попугаев весел и болтлив,
А у бамбука, где кричат павлины,

На листьях фиолетовый отлив.

Сунь У-кун долго любовался всей этой красотой и никак не мог налюбоваться. Наконец он на облаке опустился у бамбуковой рощи. Тут его встретили небожители и обратились к нему с такими словами:

— Бодисатва говорила нам, что Великий Мудрец встал на путь Истины, и даже оповестила всех об этом. Сейчас вы должны охранять Танского монаха. Как же вам удалось выбрать свободное время и прибыть сюда?

— Именно потому, что я охраняю Танского монаха, я и хотел побеспокоить бодисатву. Дело в том, что мы с учителем попали в затруднительное положение.

Тут дух-хранитель вошел в пещеру и доложил бодисатве о приходе Сунь У-куна. Бодисатва приказала ввести его. Войдя в пещеру, Сунь У-кун подошел к лotosовому трону и приветствовал бодисатву поклоном.

— Зачем ты явился? — спросила бодисатва.

— В пути мы с учителем зашли в монастырь, выстроенный в честь тебя. Народ приносит тебе жертвы. А ты позволила волшебнику — Духу черного медведя поселиться рядом с монастырем и выкрасть рясу моего учителя. Я много раз пытался отобрать у него рясу, но не смог, и сейчас прибыл специально для того, чтобы просить у тебя помощи.

— Ну что за невежественная обезьяна! — возмутилась бодисатва. — Как ты смеешь так со мной разговаривать и требовать, чтобы я спасала вашу рясу? Из-за тебя все и получилось. Зачем тебе понадобилось хвастаться этой драгоценностью и показывать ее простым смертным, да вдобавок ко всему вызывать ветер и раздувать пожар? Ведь ты сожгла мой монастырь Задерживающихся облаков. А теперь явилась сюда и поднимаешь шум.

Сун У-кун понял, что бодисатве известно все, что было, и все, что будет, и поспешно опустился на колени.

— О бодисатва! — воскликнул он. — Прости твоему сыну грехи! Все это правда. Но я осмелился побеспокоить тебя, милостивая бодисатва, лишь потому, что волшебник ни за что не хочет отдавать рясу, а учитель сердится и грозит заклинанием, от которого у меня голова раскалывается на части. Яви свое милосердие, помоги отобрать у волшебника рясу, и мы сможем продолжать свой путь.

— Этот волшебник обладает огромной силой и, пожалуй, не уступит тебе. Но ради Танского монаха я, так и быть, отправлюсь вместе с тобой.

Тут Сунь У-кун снова склонился перед бодисатвой, выражая ей свою глубокую

признательность, и затем вслед за ней вышел из пещеры. Сев на радужное облако, они вмиг очутились у горы Черного ветра и здесь спустились вниз. Направляясь по тропинке к пещере, они вдруг заметили даоса, который появился из-за склона горы. В руках у него было стеклянное блюдо, а на блюде лежали две пилюли бессмертия. Чрезвычайно обрадованный этой встречей, Сунь У-кун выхватил свой посох и с размаху так стукнул даоса по голове, что у того вылетели мозги и фонтаном брызнула кровь.

— Ну что за обезьяна! — в ужасе воскликнула бодисатва. — опять ты за свое! Ведь не он украл твою рясу, ты даже не знаешь его. Значит, между вами не могло быть никакой вражды. За что же ты убил его?

— Ты знаешь, кто это такой? Это приятель Черного волшебника. Вчера они еще с каким-то мудрецом сидели на полянке и беседовали. Черный волшебник пригласил его на Пир в честь одевания Будды. Дух, которого я убил, шел поздравить Черного волшебника, а завтра должен был явиться на Пир в честь одевания Будды. Вот откуда я знаю его.

— Ну, ладно! — сказала бодисатва.

Сунь У-кун приподнял даоса, чтобы рассмотреть его как следует, и тут увидел, что это волк. На блюде была выгравирована надпись: «Сделал Лин Сюй-цзы».

Прочитав это, Сунь У-кун от радости рассмеялся.

— Вот удача! — воскликнул он. — Теперь нам не придется затрачивать усилий! Этот волшебник, можно сказать, сам попал нам в руки, а с другим мы быстро разделаемся.

— О чем это ты говоришь? — спросила бодисатва.

— У меня есть одна мысль, которую можно назвать: «На план ответить планом». Только я не знаю, одобришь ли ты ее.

— Ну говори, что надумал.

— Взгляни на это блюдо, — сказал Сунь У-кун. — Здесь лежат две пилюли бессмертия. Мы понесем их в подарок волшебнику. На обратной стороне этого блюда вырезаны четыре иероглифа: «Сделал Лин Сюй-цзы». На эту удочку мы и поймаем волшебника. Если ты согласишься, нам не придется прибегать к оружию и драться с волшебником. Его мгновенно поразит болезнь, и тогда ряса в наших руках. Если же ты не согласишься, ты можешь спокойно отправляться к себе на Запад, а я вернусь на Восток. В этом случае рясу можно считать подаренной волшебнику, а поездка Танского монаха кончится впустую.

— Ну и язык у этой обезьяны! — рассмеялась бодисатва.

— Что ты, помилуй! Я просто хотел предложить тебе свой план!— отвечал Сунь У-кун.

— Ну, что же ты придумал? — спросила бодисатва.

— На этом блюде выгравирована надпись: «Сделал Лин Сюй-цзы». Надо полагать, что Лин Сюй-цзы — имя этого даоса. Ты, бодисатва, должна принять вид этого даоса. Я же съем пилюлю бессмертия и приму ее вид, только буду немного побольше. Затем ты возьмешь блюдо с пилюлями и преподнесешь волшебнику ко дню его рождения. Потом предложишь ему съесть пилюлю, которая побольше. Когда волшебник проглотит ее, то есть меня, я у него в желудке найду, что делать. Пусть только откажется вернуть рясу, я из его кишок веревки совью.

Бодисатва покачала головой, но возразить ничего не могла и вынуждена была согласиться.

— Каково? — смеясь спросил Сунь У-кун.

Тут бодисатва проявила свое великое милосердие и безграничную божественную силу. Обладая способностью превращаться в любое существо или предмет, она во мгновение ока превратилась в даоса — отшельника Лин Сюй-цзы.

У журавлей священных ветер страшный

Пух развевает, вдруг рассвирепев,

И вой его суровый и протяжный

Напоминает боевой напев.

И стонут под могучим этим ветром,

Стволами ударяются порой,

Красивые не по-земному кедры

И лучезарно-синих сосен строй.

Природа только кажется единой.

Различиям в природе нет числа!

Но для людей все к одному сводимо —

К борьбе неутомимой против зла!

— Чудесно! Замечательно! — с восторгом воскликнул Сунь У-кун.— Не разберешь — не то это оборотень — бодисатва, не то бодисатва — оборотень.

— Бодисатва, оборотень — все это лишь одни понятия, — сказала смеясь бодисатва.— Если

говорить по существу, то ничего подобного нет.

Сунь У-кун тотчас же понял, что хотела сказать бодисатва, и, повернувшись, превратился в пилюлю бессмертия.

Пилюля, в которую превратился Сунь У-кун, была чуть побольше. Бодисатва отметила это, взяла блюдо и отправилась прямо к пещере.

Бодисатва осталась очень довольна.

«Эта грязная скотина не зря выбрала себе такое место для жилья»,— подумала она и все же в душе у нее родилось чувство сострадания.

У пещеры бодисатва увидела духов, они охраняли вход.

— Преподобный отшельник Лин Сюй-цзы прибыл! — закричали духи. Одни из них бросились доложить о его приходе, другие пошли навстречу.

Тотчас же показался дух-волшебник, вышедший встретить гостя.

— Я очень рад,— сказал он,— что ты осчастливил мое убогое жилище своим высоким посещением.

— Примите от меня скромный дар — пилюлю бессмертия и пожелание вам вечной жизни,— промолвила в ответ бодисатва. Закончив церемонию приветствий, они уселись и начали обсуждать вчерашние события. Бодисатва поспешила достать блюдо с пилюлями.

— Великий князь,— молвила она,— прошу вас взглянуть на мой скромный подарок.

Выбрав шарик побольше, она преподнесла его волшебнику со словами:

— Желаю вам, великий князь, здравствовать тысячу лет!

Волшебник в свою очередь взял второй шарик и, подавая его бодисатве, сказал:

— Желаю того же и вам, дорогой Лин Сюй-цзы!

Как только церемония была окончена, волшебник хотел проглотить пилюлю, но пилюля сама проскользнула прямо в желудок. Там Сунь У-кун принял свой обычный вид, потянулся во все стороны, и волшебник тотчас же повалился на землю.

Бодисатва тоже приняла свой обычный вид и велела волшебнику отдать рясу.

Тем временем Сунь У-кун успел уже выйти через нос волшебника. Однако, опасаясь, как бы волшебник не учинил какого-нибудь буйства, бодисатва набросила ему на голову обруч. И когда волшебник, вскочив на ноги, бросился на Сунь У-куна с копьем, она вместе с Сунь У-куном была уже высоко в воздухе и стала произносить заклинание. В тот же миг у волшебника началась мучительная головная боль, он выронил из рук копье и стал кататься по земле. А Прекрасный царь обезьян, наблюдая все это, посмеивался.

— Ну что, мерзкая тварь, вернешь ты теперь рясу или нет? — спросила бодисатва.

— Я готов сделать это сейчас же, — поспешил ответить волшебник. — Только пощадите меня.

Между тем Сунь У-кун, боясь, как бы дело не затянулось, решил избить волшебника, но бодисатва остановила его:

— Не причиняй ему вреда! — сказала она. — Он мне еще пригодится.

— Да на что может пригодиться это чудовище, убить его надо, вот и все, — сказал Сунь У-кун.

— Часть горы Лоцзяшань, где я живу, — сказала бодисатва, — сейчас никем не охраняется. Я возьму его с собой и сделаю небожителем — хранителем этой горы.

— Ты поистине милосердна и всегда выручаешь из беды, — сказал смеясь Сунь У-кун. — Тебе жаль погубить всякое живое существо. Вот если бы я знал это заклинание, то наверняка прочитал бы его не меньше тысячи раз. Однако здесь еще осталось много духов, надо и с ними кончить.

Волшебник тем временем пришел в себя. Он катался по земле и жалобно кричал:

— Пожалейте меня! Я готов вступить на путь Истины.

Тогда бодисатва опустилась на облаке вниз и, возложив руки на голову чудовища, взяла с него обет монашества. Затем она заставила волшебника взять копье и следовать за ней. Наконец-то лихие помыслы Духа черного медведя исчезли и строптивый характер его был усмирен.

— А ты, Сунь У-кун, возвращайся теперь обратно, — приказала бодисатва, — и как следует служи Танскому монаху. Смотри, чтобы в дальнейшем не было никаких упущений или безобразий.

— Прости, бодисатва, что доставил тебе столько хлопот и заставил ехать в такую даль, — сказал Сунь У-кун. — Позволь мне проводить тебя немного, — добавил он.

— Нет, не нужно,— отвечала бодисатва.

Тогда Сунь У-кун взял рясу и, распростившись с бодисатвой, отправился в монастырь. А бодисатва в сопровождении Духа черного медведя пустилась в обратный путь к Великому морю. Вот что рассказывается об этом в стихах:

Темь облаков раздвинулась внезапно,

И в ореоле мягкого сиянья

С небес сошла на землю бодисатва,

Чтоб людям грешным облегчить страданья.

Ей тронем служит лотос совершенный

С большими золотыми лепестками,

Она следит за тем, чтоб нарушений

Законов Будды мы не допускали.

Она познаний жажду утоляет

И объясняет сутр священных строки,

И, уходя на небо, оставляет

Лишь добродетель, истребив пороки.

О том, как же развивались события в дальнейшем, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286419>